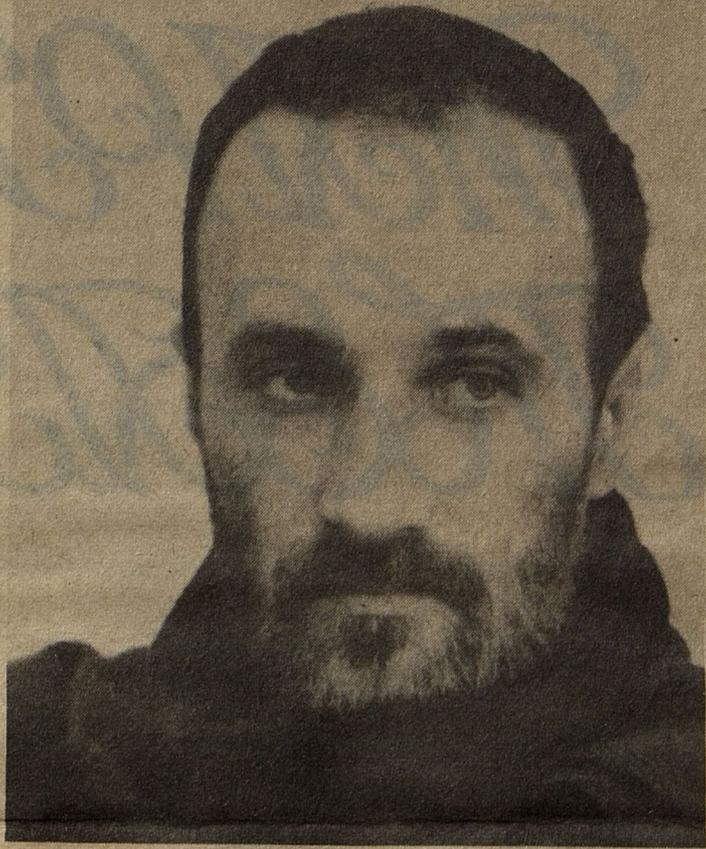

Вячеслав Окунев:

«Хотелось, чтобы получился спектакль не просто по Коровину, но и о самом Коровине»

«Моей главной, единственно непрерывно преследуемой целью в искусстве живописи всегда служила красота, эстетическое воздействие на зрителя, очарование красками и формой. Никогда никому никакого поучения, никакой тенденции...»

Константин КОРОВИН
Из интервью 1911 г.

Марининский театр. - 1993. - май. - (15). - с. 2.

Полгода назад Валерий Гергиев предложил Вячеславу Окуневу реконструировать сценическое оформление Коровина к опере Римского-Корсакова «Садко». В распоряжении художника оказалась смелая идея возродить великолепное произведение искусства, которое по неумолимым законам театра ушло в небытие, а еще...

Дальше — слово художнику. — Ну прежде всего в моем распоряжении были эскизы Коровина к спектаклю. Вернее, к спектаклям. Декорационное решение «Садко» существовало у него в нескольких версиях. Самая знаменитая — для оперы Мамонтова 1897 года, потом — вариант Большого театра 1906 года, с некоторыми изменениями в пользу декоративной наполненности пространства. В 1914 году, после пожара в московских театральных складах, Коровин заново создал декорации «Садко». В 1920 году этот спектакль был перенесен в Петроград. Остались снимки спектакля, а в Бахрушинском музее в Москве и в музее Мариинского театра сохранились очень хорошие головные уборы и костюмы Волховы, подводящей царицы, каких-то чудищ. Из мужских — костюмы Садко и Морского царя. Есть фотографии исполнителей в костюмах этого спектакля.

В общем-то Окунев располагал не столь уж многим. И одновременно очень многим: прекрасным знанием культуры русского «серебряного века», тонким художническим чутьем в постижении коровинского стиля, огромным театральным опытом. Впервые за свою достаточно долголетнюю практику Слава был не только художником, но и реконструктором, исследователем, историографом. По ходу подготовительной работы он, например, установил по пометкам Коровина на эскизах 1906 года, что спектакль изначально планировался не в Москве, а в Петербурге, на Мариинской сцене. Так что теперешнее его возрождение вдвойне закономерно.

Как же практически осуществлялась работа Окунева по воссозданию коровинского шедевра!

— Коровин как театральный художник работал в особой манере, не так, как мы сейчас. Его эскизы — это как бы состояние, настроение, впечатление, рожденные музыкой, импрессионистическим взглядом на мир. Он

задавал колорит, цветовую композицию, тональные акценты, мазки. С ним работала группа художников, которых он воспитал. Эти художники-исполнители адаптировали живописные композиции для реальных сценических условий, делали кальки, рисунки, расчеты. По ним, строго в колорите и манере Коровина, писали декорации. Одним из талантливых разработчиков-исполнителей был Г. Голов. В афише так и писалось — декорации Голова по эскизам Коровина. Теперь мне самому пришлось стать таким исполнителем, расшифровывающим и трактующим живописные эскизы Коровина.

С той только разницей, добавим, что рядом с Головым была целая команда художников-исполнителей и, главное, их наставник, мэтр, который не просто советовал — кусками сам писал декорации. Рядом с Окуневым — только он сам. Вячеслав подробно изучал живописную технику Коровина, его цветовые соотношения. Тщательно собирал материалы по спектаклю и вокруг него. Сопоставляя эскизы и фотографии, постигал, каким образом живописные наброски, зачастую очень приблизительные, воплощались в пространстве. Разрабатывал и переносил цветовые решения в макет. Это была подробная реконструкция, но реконструкция творческая. Что же свое, личностное привнес Окунев в эту работу!

— Когда-то Коровин расстраивался, что его декорации писали художники старой школы, выученные на раскрашенных павильонах Роллера. Они частенько приходили в дирекцию к Теляковскому и спрашивали, дозволительно ли писать крупными мазками, как Коровин (на что Теляковский советовал признать у Коровина таланта, а там уж и писать). Даже старательно приближаясь к коровинскому цвету, его воспроизводили в совершенно иной технике, и результат был совершенно не тем, какого ждал автор.

Дело в том, что Коровин на сцене создавал большие живописные полотна в манере, характерной для его станковых работ и для стиля времени. Его театральные опыты перекликаются с работами для Всемирной парижской выставки — «русская деревня» Российского павильона просматривается в сцене торжества «Садко»: в эскизах очень

заметно проявлялось его увлечение импрессионизмом, русским или скорее даже общеевропейским модерном, который он воспринимал как бы в рамках импрессионизма. Далеко не все из этого в свое время попало на сцену. Мне хотелось эту ауру как можно полнее ввести в спектакль. Хотелось, чтобы получился спектакль не просто по Коровину, но и о самом Коровине.

Есть и преимущества, и сложность в том, что мы восстанавливаем только декорации, а не весь прежний спектакль, от которого не осталось даже воспоминаний. Поэтому я не создавал концептуальное решение, но старался делать как бы некий фон высокого живописного качества для встраивающегося в него нового спектакля.

— А вы считаете, что у самого Коровина не было концептуального отношения к своей театральной работе!

— Оно было концептуальным, но не в том смысле, в котором мы это сейчас понимаем: оно отрицало серость сценических традиций своего времени. Коровин был абсолютным новатором. Теляковского даже преследовали за то, что он пригласил революционеров декорационного искусства Коровина и Головина на священную императорскую сцену. Разъяренные поклонники старых традиций набросились однажды на Теляковского в зрительном зале. Пресса тоже изощрялась в ругани. О Коровине, который был кавалером ордена Почетного легиона Франции, получил две золотые медали в Париже за живопись и за русский павильон на Всемирной выставке, — о его театральных опусах на императорской сцене писали, что это мазня, декадентское малевание, грязь вместо цвета и т. д. Ему подсыпали соль в краски, после чего цвет на декорациях исчезал и прочее. Коровин вынужден был купить револьвер и защищать себя и свое искусство. Мы и сейчас не до конца отдаем себе отчет, насколько оно было революционным. Головин и Коровин принесли на сцену цвет и декоративность рисунка. Принцип иллюзорности декорации уступил место живописности. Любопытно при этом, что плановая, кулисная система, которая существовала со времен возрожденческого театра, у них сохранилась. Но Коровин убрал эффект перспективы и заставил

воспринимать целое сцены как единый живописный ковер. Но если писать декорации с его эскизов с прежних позиций иллюзорности, если не привносить в них импрессионистичности, Коровин перестает быть новатором. Кстати, одну из декораций, Ильмень-озеро, написали иллюзорно, выписали реалистично все березки. А нужны крупные мазки, нужно, чтобы получились таинственные сиреневые «декадентские» сумерки. Пришлось переписывать.

Яркая первая картина, например, расписана у Коровина как абрамцевский фаянс, как шкапулка; море-океан чем-то напоминает водную стихию «Похищения Европы» его друга Серова.

Частью блистательного коровинского декора в спектакле являются костюмы, великолепно восстановленные Окуневым. Абсолютно лишены вульгарной этнографичности, они включены в единую цветовую композицию. При этом костюмы каждого участника спектакля рассматриваешь на сцене с восхищением как отдельное произведение декоративного искусства. Режиссеру Алексею Степанюку удалось очень удачно организовать сценические передвижения масс с учетом общего колористического впечатления.

А каково, по мнению Окунева, созвучие «коровинского» спектакля на сцене Мариинского театра дню сегодняшнему!

— Вернемся к тому, в каком историческом и социальном контексте возник коровинский «Садко» в последний раз, в 1920 году. Обстановка вокруг тяжкая — хлеба нет, дров нет, нищета и разруха. И вдруг в этом хаосе, как мечта, возникает сказка о Садко с изумительными нарядными декорациями. Не вызывает ли это некоторых аналогий?

Переход от XIX к XX веку был освещен интересом к мифологическим темам, к легендам, эпосу, сказке о ее чудесах и превращениях. «Садко» идеально вписывался в круг этих интересов.

Теперь взглянем на сегодняшний день. В преддверии XXI века снова увлечение астрологией, мистикой, чудесами, фольклорной историей, сказкой. Тяга к миражам, к волшебной мечте, к радостной красоте. И «Садко» сюда снова великолепно вписывается...

НОРА ПОТАПОВА

Окунев Вячеслав

03.93.